

УДК 903.02

ВОЛЬСКО-ЛБИЩЕНСКАЯ КЕРАМИКА В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ: КУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ ИЛИ МАРКЕРЫ В КУЛЬТУРАХ?

© 2018 Р.А. Мимоход

Институт археологии РАН, г.Москва

Статья поступила в редакцию 05.04.2018

В статье рассматриваются погребальные комплексы, в которых обнаружена керамика с вольско-лбищенскими чертами. Анализ погребений показывает, что такая посуда не указывает на принадлежность захоронений к вольско-лбищенской культуре. Эта керамика встречена в комплексах волго-донской бабинской культуры, волго-уральской культурной группы, раннепокровской культуры и в группе загадочных сидячих захоронений Волго-Уралья, которые связаны с посткатакомбным миром. Данную посуду следует рассматривать как свидетельство контактов посткатакомбных культурных образований с соседними группами Вольск-Лбище. Обнаружение вольско-лбищенской керамики в закрытых комплексах посткатакомбных погребений позволяет датировать верхнюю границу вольско-лбищенской культуры рубежом III-II тыс. до н.э.

Ключевые слова: погребальные комплексы, керамика, вольско-лбищенская культура, посткатакомбные погребения.

Процесс выделения вольско-лбищенской культурной группы¹, культурного типа памятников² или культуры³ начался во второй половине 70-х годов прошлого века⁴. С тех пор исследователи многократно обращались к вопросам ее материальной культуры, хронологии, происхождения и исторической судьбы. Отдельной темой обсуждения был погребальный обряд этой культуры. На сегодняшний день мы до сих пор о нем не имеем ясного представления. И.Б. Васильев считает, что он представлен бескурганном обрядом⁵. Однако вольско-лбищенская атрибуция грунтового Алексеевского могильника⁶ и грунтовых погребений на поселении Лбище⁷ вызывает справедливые сомнения по причине отсутствия соответствующей керамики, которая пока является единственным надежным культурным индикатором⁸. Наличие небольшой серии подкурганых захоронений с вольско-лбищенской керамикой поставило вопрос о том, имеем ли мы дело с погребениями культуры Вольск-Лбище, носители которой спорадически использовали насыпи для похоронных ритуалов? Попробуем разобраться в этой проблеме.

На сегодняшний день известно 10 погребений, с которыми связана вольско-лбищенская керамика. Три из них находятся на левобережье Волги, еще шесть – в Заволжье и одно в Приуралье (рис. 1). Кратко охарактеризуем их.

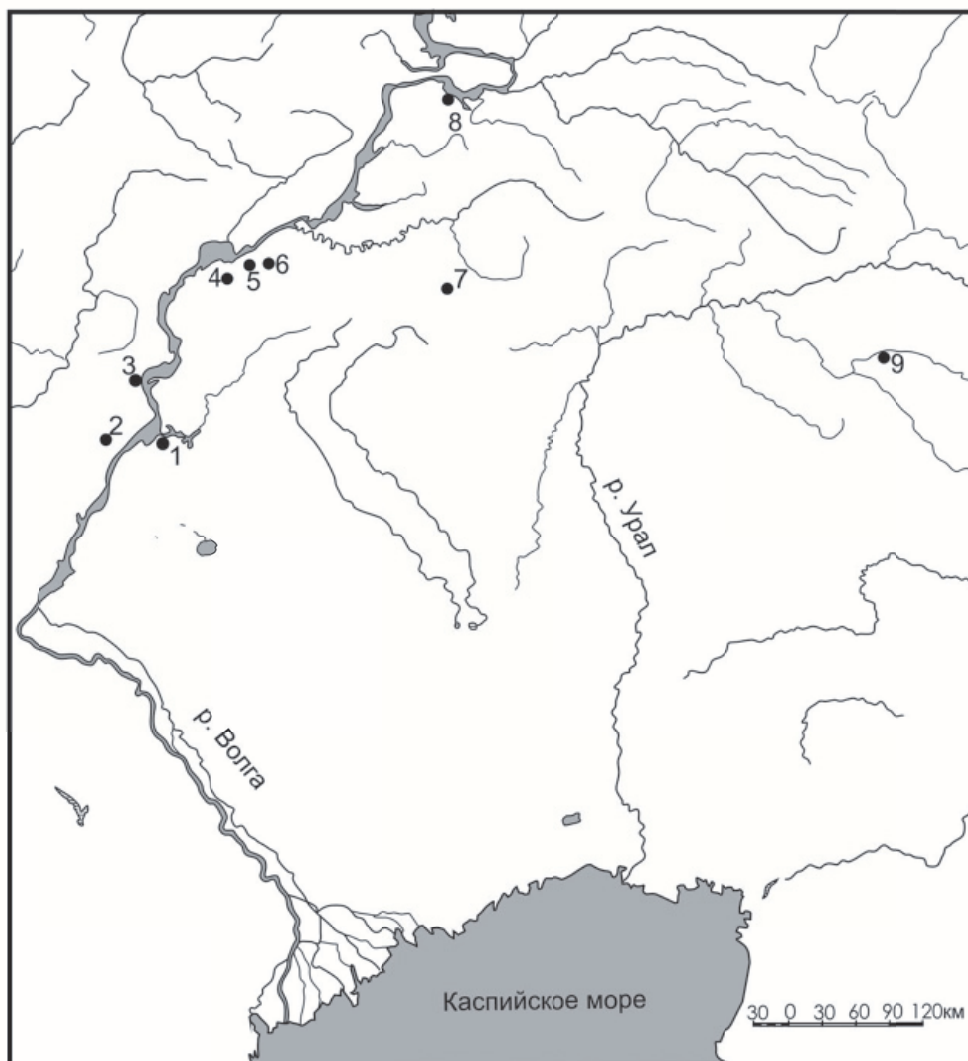
Барановка I, курган 10, погребение 7 (рис. 1, 2, 9)⁹. Высота кургана свыше 4 м, диаметр 34 м. Захоронение расположено в южном секторе, являясь *Мимоход Роман Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.*
E-mail: mimokhod@gmail.com

основным для первой насыпи. Перекрыто погребением 5 раннего этапа днепро-донской бабинской культуры, с которым связана вторая насыпь. В нее впущено захоронение 4 посткатакомбной волго-уральской культурной группы.

Яма погребения 7 имела прямоугольную форму с заплечиками вдоль длинных стенок. Ее размеры – 1,3x1,0 м, глубина 1,3 м. В заполнении куски дерева от перекрытия. Погребение является кенотафом.

На дне ямы стоял лепной горшок с биконическим туловом и раструбообразным горлом. Его высота 18,4 см. Поверхность сосуда покрыта богатым орнаментом, который состоит из нескольких фризов, заполненных зигзагами и разнонаправленными косыми отрезками. Декор нанесен мелкозубчатым штампом. Снаружи горшок окрашен красной охрой.

Белогорское I, погребение 15 (рис. 1, 2, 2)¹⁰. Этот памятник является грунтовым могильником, который состоит из двух скоплений погребений, расположенных на отдельных ограниченных площадках. В одной из работ я высказал сомнение относительно грунтового характера некрополя и предположил, что это могли быть подкурганые захоронения с несохранившимися или непрослеженными насыпями¹¹. Не так давно И.И. Дремов привел убедительную аргументацию в пользу того, что могильник грунтовый¹². Тем не менее он полностью организован по принципам курганной планиграфии, что признает и автор раскопок¹³. Датировается могильник катакомбным и посткатакомбным периодами, что хорошо подтверждает генетическую преемственность этих древностей. Скорее всего, при

Рис. 1. Территория распространения погребальных комплексов с вольско-либищенской керамикой.
 1 – Бережновка I, 5/21; 2 – Барановка I, 10/7; 3 – Белогорское I, п.15, п.28; 4 – Советское 1, 2/14;
 5 – Рунталь, 1/1; 6 – Калмыцкая Гора F, 6/7; 7 – Светлое Озеро, 1/1; 8 – Владимировка II, 3/1,2;
 9 – Тамар-Уткуль VII, 4/5

функционировании могильника погребальные площадки были маркированы какими-то знаками, поэтому погребения располагаются компактно. О том, что некрополь использовался долго, свидетельствуют случаи прямой стратиграфии, когда одни могилы нарушали другие.

Погребение 15 расположено в восточном скоплении. Могила представляла собой яму с уступом овальной формы. Ее размеры – 1,25x1,0 м, глубина – 0,5 м от материка. Захоронение детское парное. Умершие лежат в среднескорченной позиции на левом боку, головой на север. У одного костяка руки протянуты к коленям, у другого одна рука вытянута, а вторая согнута под прямым углом. Возле тазовых костей западного скелета располагались кости ног МРС.

Между черепами стоял горшок. Его высота 11,5 см. Он имеет трехчастный профиль с внутренним желобком на горле, венчик скошен наружу. Горшок орнаментирован в верхней части шнуровым орнаментом и зубчатым штампом.

Декор представлен тремя фризами. Верхний фриз – это горизонтальный елочный орнамент, средний – параллельные горизонтальные линии, нижний – ряд треугольников, заштрихованных квадратной сеткой.

Белогорское I, погребение 28 (рис.1, 2, 3)¹⁴. Захоронение располагалось в западном скоплении. И.И. Дрёмов реконструирует конструкцию могилы как яму с подбоем. Причем подбой направлен под входную яму, что не имеет аналогий. По всей видимости, прав В.А. Лопатин, который предположил, что «в ходе раскопок за свод подбоя были приняты фракции переотложенного материкового грунта, который использовался в забутовке простой ямы»¹⁵. В результате мы имеем яму с небольшими заплечиками в нижней части. Это еще более станет очевидным, если учесть, что соседнее синхронное погребение 14 имело точно такую же конструкцию могилы¹⁶. Напомню, что такую же форму имел и кенотаф из Барановки (рис.2, 9).

Яма п.28 имеет овальную форму, ее размеры 1,0x0,7 м, глубина 1,21 м от материка (рис.2, 3). Погребение являлось кенотафом, судя по размерам ямы – детским¹⁷.

В нем обнаружен сосуд. Его высота 13 см. Он имеет трехчастный профиль с внутренним желобком на горле, венчик скошен наружу. Горшок орнаментирован несколькими фризами, заполненными зигзагами. Декор нанесен с помощью короткого гребенчатого штампа и шнура.

Бережновка I, курган 5, погребение 21 (рис.1, 2, б)¹⁸. Высота кургана 1,5 м, диаметр 21 м. Погребение было впущено в ямный курган (основное п. 22), и, кроме того, оно нарушило еще одно погребение ямной культуры (п.19) и захоронение эпохи средней бронзы с характерным бронзовым ножом (п.20).

Захоронение совершено в прямоугольной яме размерами 2,2x1,5 м, глубина 0,9 м. На дне находился скелет зрелого мужчины большого роста (около 1,85 м). Скелет лежал в средне-скорченном положении на левом боку, черепом ориентирован на юг, левая рука вытянута к коленям, правая согнута под прямым углом, ее кисть покоится на локтевом суставе левой руки. Рядом с ней лежали две пары ног МРС. «Вокруг скелета оказались черепки от разбитого большого сосуда андроновского типа»¹⁹. Больше информации в публикации нет. В 50-х годах прошлого века вольско-лбищенская культура выделена еще не была. Ее керамику, которая часто орнаментировалась геометрическим орнаментом, выполненным оттисками зубчатого штампа, легко можно было спутать с андроновской посудой, в частности, федоровского облика. Ниже будут приведены дополнительные аргументы в пользу вольско-лбищенского облика керамики из этого погребения.

Владимировка II, курган 3, «тризна» (рис.1, 2, 10)²⁰. Размеры кургана 21,5x16,5 м, высота 0,8 м. Под насыпью был сооружен кольцевой ровик, внутри которого совершено два основных захоронения начала поздней бронзы раннепокровского периода. Погребение 2 располагалось в центре погребальной площадки. Оно сильно разрушено землеройными животными, скелет не сохранил анатомического порядка. В могиле обнаружены бронзовые нож с едва намеченным перехватом и ромбической пяткой черенка, шило и прутковый браслет, а также колоколовидный сосуд с расчесами. Погребение 1 находилось северо-восточнее захоронения 2, у перемычки кольцевого рва. Могила имела прямоугольную форму. Ее размеры 2,0x0,97 м, глубина 0,6 м от древней поверхности. В яме обнаружен скелет юноши в слабоскорченной адоративной позиции, черепом ориентирован на северо-запад. Сопроводительный инвентарь: два бронзовых браслета с концами, закрученными в разнонаправленные спирали,

бронзовая желобчатая височная подвеска и три сосуда, два из которых имеют синташтинско-потоповские черты.

Сосуд с вольско-лбищенскими чертами был найден на уровне погребенной почвы с наружной стороны рва. Безусловно, он сопровождал раннепокровские погребения 1 и 2, которые были основными. Вряд ли стоит его связывать именно с погребением 1²¹. Для такого вывода нет ни планиграфических, ни стратиграфических данных. Инвентарь из обоих комплексов тоже выглядит синхронным.

Сосуд крупных размеров, тонкостенный, имеет характерный скошенный наружу венчик и намеченный желобок на внутренней стороне горла. Сохранившаяся высота 11 см, возможная высота около 25 см. В.А. Лопатин реконструирует его профиль как трехчастный²², что вполне вероятно. Горшок орнаментирован несколькими фризами, выполненными зубчатым штампом. Это зигзаги с бахромой, косые и прямые оттиски штампа. «Очень оригинально выполнены разделительные линии узких зон – уголком зубчатого штампа получены волнообразные горизонталы, напоминающие некоторые катакомбные орнаментальные сюжеты»²³. Указанный сосуд выглядит очень архаично. Волнистые разделители на вольско-лбищенском горшке действительно вызывают ассоциации с ранней среднедонской и полтавкинской культурами. Неудивительно, что В.А. Лопатин посчитал, что именно сосуд из Владимировки является эталоном для вольской группы керамики, которую он считает более ранней по отношению к лбищенской²⁴. Вероятно, связь столь архаичного сосуда с вольско-лбищенскими чертами с раннепокровскими захоронениями, возможно, следует трактовать в рамках известного в археологии феномена переживания отдельной вещи времени серийного бытования артефактов подобного типа. Впрочем, для задач этой статьи данные предположения носят факультативный характер. Для нее важен культурный контекст, в котором оказалась вольско-лбищенская керамика.

Калмыцкая Гора F, курган 6, погребение 7 (рис.1, 2, 1)²⁵. Захоронение впускное в ямный курган. Его размеры 18x16 м, высота 1,2 м. Оно совершено в яме с уступом прямоугольной формы с деревянным перекрытием. Размеры могилы – 2,48x2,0 м, глубина 1,25 м. В яме находился костяк взрослого человека в среднескорченном положении на левом боку, черепом ориентирован на северо-восток. Левая рука вытянута к коленям, правая согнута в локтевом суставе под тупым углом. У левой руки располагались кости ног МРС.

В погребении обнаружен целый слабопрофилированный сосуд без орнамента и фрагмент вольско-лбищенского горшка с орнаментацией в виде зигзагов и косых насечек, выполненной оттисками зубчатого штампа.

Рунталь, курган 1, «тризна» (рис.1, 2, 5)²⁶. Диаметр кургана 12 м, высота 0,27 м. Под курганом обнаружено одно захоронение. Погребение 1 было совершено в овальной яме размерами 1,4x1,25, глубина 1,3 м. В могиле обнаружено захоронение взрослого человека. Скелет лежал в среднескорченном положении на левом боку, черепом ориентирован на восток-юго-восток, руки протянуты к коленям. На предплечье левой руки и левом бедре находились кости ног МРС.

С погребением связана керамика, обнаруженная на уровне погребенной почвы. Это два фрагмента крупного сосуда с высоким прямым горлом, украшенные гребенчатым штампом и дугообразными оттисками. Сохранившаяся высота 9,5 см, диаметр по венчику 29 см. Сосуд сочетает вольско-лбищенские и пережиточные катакомбные черты.

Светлое Озеро, «тризна» (рис.1, 2, 8)²⁷. Диаметр кургана 24 м, высота 0,38 м. Вольско-лбищенская керамика из «тризны» была связана с впускным погребением 1. Оно было впущено в насыпь, возведенную над полтавкинским захоронением 2.

Погребение 1 располагалось в северном секторе кургана, совершено в яме с подбоем. Входная шахта имела подпрямоугольную форму, ее размеры 1,6x1,15 м. Погребальная камера устроена в восточной стороне, ее дно отделено от дна входной ямы уступом высотой 5 см. Размеры камеры – 1,5x1,2 м. Глубина могилы 1,3 м от вершины кургана. В камере обнаружено парное захоронение взрослого и ребенка. Скелет взрослого человека лежал на левом боку в позе адорации с завалом на грудь, черепом ориентирован на север-северо-восток. Под позвоночником и около стоп зафиксирована слабая посыпка охрой. Умерший уложен на подстилку коричневого цвета. Перед скелетом взрослого человека также на подстилке лежали кости ребенка грудного возраста: фрагменты черепа, таза и бедренной кости. Возле бедра детского скелета лежали два комка охры. Около детского черепа располагались костяные пронизки, сделанные из кости МРС и крупной птицы. Около взрослого скелета обнаружены кости МРС. У таза лежал астрагал, перед голенью – лопатка, на тазобедренном сочленении – две ножные кости.

С этим погребением связана «тризна», где найдена вольско-лбищенская керамика. Это скопление фрагментов двух лепных сосудов с примесью мелкотолченой раковины и обломков костей животных. Большинство фрагментов принадлежало крупному сосуду, диаметр по венчику у которого мог составлять до 25-30 см. Реберчатость подчеркнута слегка оттянутым валиком. Горло немного изогнуто. Сосуд украшен гребенчатым орнаментом. Фризы разделены линиями и заполнены зигзагами и косыми от-

резками. Второй сосуд имел баночную форму. Он также украшен зубчатым штампом, а декор выполнен в виде горизонтальной «елки». Между рядами косых разнонаправленных отрезков имеется разделительная горизонтальная линия.

Советское 1, курган 2, погребение 14 (рис.1, 2, 4)²⁸. Диаметр кургана 24 м, высота 0,24 м. Погребение впускное в полтавкинский курган, устроено в западной поле. Яма не прослежена, скелет залегал на глубине 0,42 м. В могиле обнаружены череп и кости руки ребенка. У черепа находился сосуд. В.А. Лопатин рассматривает соседнее полтавкинское погребение 13 и указанное захоронение как единый комплекс парного захоронения²⁹. На мой взгляд, для этого нет никаких оснований. Просто два впускных захоронения совершенно с разной обрядностью оказались рядом, поэтому обоснованной представляется позиция автора раскопок, который рассматривает эти комплексы как два разных погребения³⁰.

Горшок имеет трехчастный профиль, венчик скошен наружу, под ним находится оттянутый валик. Его высота 14,3 см. В.А. Лопатин, который осмотрел сосуд в музее, отмечает, что эта рельефность связана с манерой нанесения орнамента³¹. В тесте горшка присутствует шамот. От венчика до максимального расширения тулова сосуд орнаментирован трехрядной «елочкой» и косо заштрихованными треугольниками. Придонная часть украшена зигзагом в виде перевернутой «бахромы». Декор выполнен гребенчатым штампом.

Тамар-Уткуль VII, курган 4, погребение 5 (рис.1, 2, 7)³². Диаметр кургана 36 м, высота 2,5 м. Погребение 4 было впущено в курган, насыпанный над погребением 9 начала средней бронзы утевско-тамар-уткульского типа³³. Погребение 4 входило в группу из пяти синхронных захоронений, похороненных в сидячем положении на глубине 1,0-1,5 м (п.1-5). Это кладбище организовано по принципу рядовой планировки. Оно расположено в северной половине кургана. Из всех этих погребений только в захоронении 4 был обнаружен вольско-лбищенский сосуд.

Погребение 4, как и остальные синхронные захоронения, было впущено в насыпь, и яма не прослежена. С.В. Богданов предполагает, что это могла быть узкая овальная могила³⁴. Скелет принадлежал взрослому человеку. Он был погребен в сидячем положении. Общая ориентировка по длинной оси скелета от ног до головы – юго-запад-северо-восток. Берцовые кости находились под бедренными. Вероятно, умерший сидел на коленях. Туловище сохранило вертикальное положение с завалом на живот. В погребении обнаружены астрагал МРС, на запястьях два бронзовых браслета, треугольные в сечении, железистая конкреция

в виде сапожка, на тазе очевидная подвеска и глиняный сосуд.

Сосуд высотой 15 см имеет трехчастный профиль с выраженным ребром, венчик характерно скошен наружу. Его срез орнаментирован отпечатками зубчатого штампа. Две трети поверхности горшка также покрыты декором. Несколько горизонтальных фризозов заполнены зигзагами, выполненными гребенчатым штампом и оттисками углового штампа.

В Приуралье есть еще один курган, где обнаружена вольско-лбищенская керамика. Речь идет о Большом Дедуровском Маре. Основное погребение утеско-тамар-уткульской культурной группы было разграблено, и именно в грабительских ходах были обнаружены фрагменты посуды вольско-лбищенской культуры³⁵. Эта керамическая серия в работе не рассматривается, потому что она напрямую не связана с погребальными комплексами, ее оставили грабители.

Итак, вольско-лбищенская керамика, являющаяся культурным маркером соответствующей культуры, изредка встречается в погребениях курганной традиции. Это как «чистые» в культурном отношении сосуды (рис. 2, 7-9), так и синкретическая посуда, в которой при явном доминировании вольско-лбищенских черт присутствуют и пережиточные катакомбные (рис. 2, 2-5).

Еще раз сформулируем вопрос: можно ли считать погребения с вольско-лбищенской керамикой собственно вольско-лбищенскими? Детальный анализ погребений с этой посудой показывает, что это не так. Приведенная сводка (рис.2) хорошо демонстрирует факт того, что сосуды с вольско-лбищенскими чертами встречены в разных культурных контекстах.

Комплексы Калмыцкая Гора F, 6/7, Белогорское I, п.15, Рунталь, 1/1 (рис.2, 1, 2, 5) совершенны по классической обрядности волго-донской бабинской культуры (ВДБК). Это скорченные погребения на левом боку в позе «скачущего всадника» с ориентировкой в северный и восточный секторы. Эти захоронения относятся к I-й и II-й обрядовым группам (ОГ) ВДБК³⁶. Ее визитной карточкой является помещение в захоронения костей ног МСР и/или КРС³⁷, которые присутствуют и в наших погребениях (рис.2, 1, 2, 5). Волго-Донским Бабино, по всей видимости, следует атрибутировать и комплекс Советское 1, 2/14 (рис.2, 4). Костяк ребенка сохранился фрагментарно, но тем не менее поза его в общих чертах реконструируется. Умерший был уложен на левый бок и головой ориентирован на север. Эти характеристики полностью соответствуют I-й ОГ ВДБК.

К редкой, но хорошо диагностируемой III-й обрядовой группе волго-донской бабинской культуры относится п.21 к.5 мог. Бережновка I (рис.2, 6). Для нее характерно скорченное по-

ложение умершего на левом боку головой на юг³⁸. Причем одной из отличительных черт этой группы является специфическое положение рук, когда левая рука вытянута к коленям, а правая согнута в локтевом суставе под прямым углом, ее кисть располагается у локтя левой руки, как в нашем случае. Кроме того, в бережновском захоронении присутствует еще одна уже упоминавшаяся диагностическая черта ВДБК – кости ног МРС. Иными словами, никаких сомнений в том, что комплекс Бережновка I, 5/21 относится к ВДБК, причем к ее раннему этапу, нет. В этой связи еще раз следует вспомнить, что И.В. Синицын охарактеризовал посуду, найденную в погребении, как сосуд андроновского типа³⁹. К сожалению, в архиве не удалось отыскать ни фото, ни рисунка этого горшка. Скорее всего, их и не было. Есть только фотография самого погребения. Еще раз необходимо отметить, что в 50-х гг. вольско-лбищенская культура не была выделена, керамика ее исследователями не опознавалась. В этой ситуации геометрический орнамент, выполненный зубчатым штампом, легко можно было принять за андроновский. Принципиальное значение для вольско-лбищенской атрибуции сосуда из Бережновки имеет хронология ВДБК. Она имеет посткатакомбный возраст и датируется значительно раньше андроновской эпохи как в системе относительной, так и системе радиоуглеродной хронологий⁴⁰. В свою очередь, верхняя граница существования вольско-лбищенской культуры соответствует времени существования Волго-Донского Бабино, что и подтверждается присутствием соответствующей посуды в закрытых комплексах ВДБК⁴¹.

Два погребения, в которых обнаружена посуда с вольско-лбищенскими чертами, являлись кенотафами (рис.2, 3, 9). В такой ситуации установить культурную принадлежность затруднительно. Однако следует отметить, что оба комплекса находились на правом берегу Волги (рис.1), а это основная территория распространения ВДБК. Здесь, правда, изредка встречаются погребения днепро-донской бабинской культуры. Например, как в к.10 мог. Барановка I, где, как уже отмечалось, кенотаф с вольско-лбищенским сосудом был перекрыт ранним погребением Днепро-Донского Бабино. Однако в нем ямы ориентированы в широтном направлении, как в той же Барановке, из-за западной ориентировки скелета, которая является одним из элементов наглядного образа днепро-донской бабинской культуры. Кенотафы же из Белогорского и Барановки (рис.2, 9) ориентированы в меридиональном направлении, что вполне согласуется с тем фактом, что именно северный сектор был доминирующим в ориентировке скелетов ВДБК. Кроме того, еще раз обратим внимание на важ-

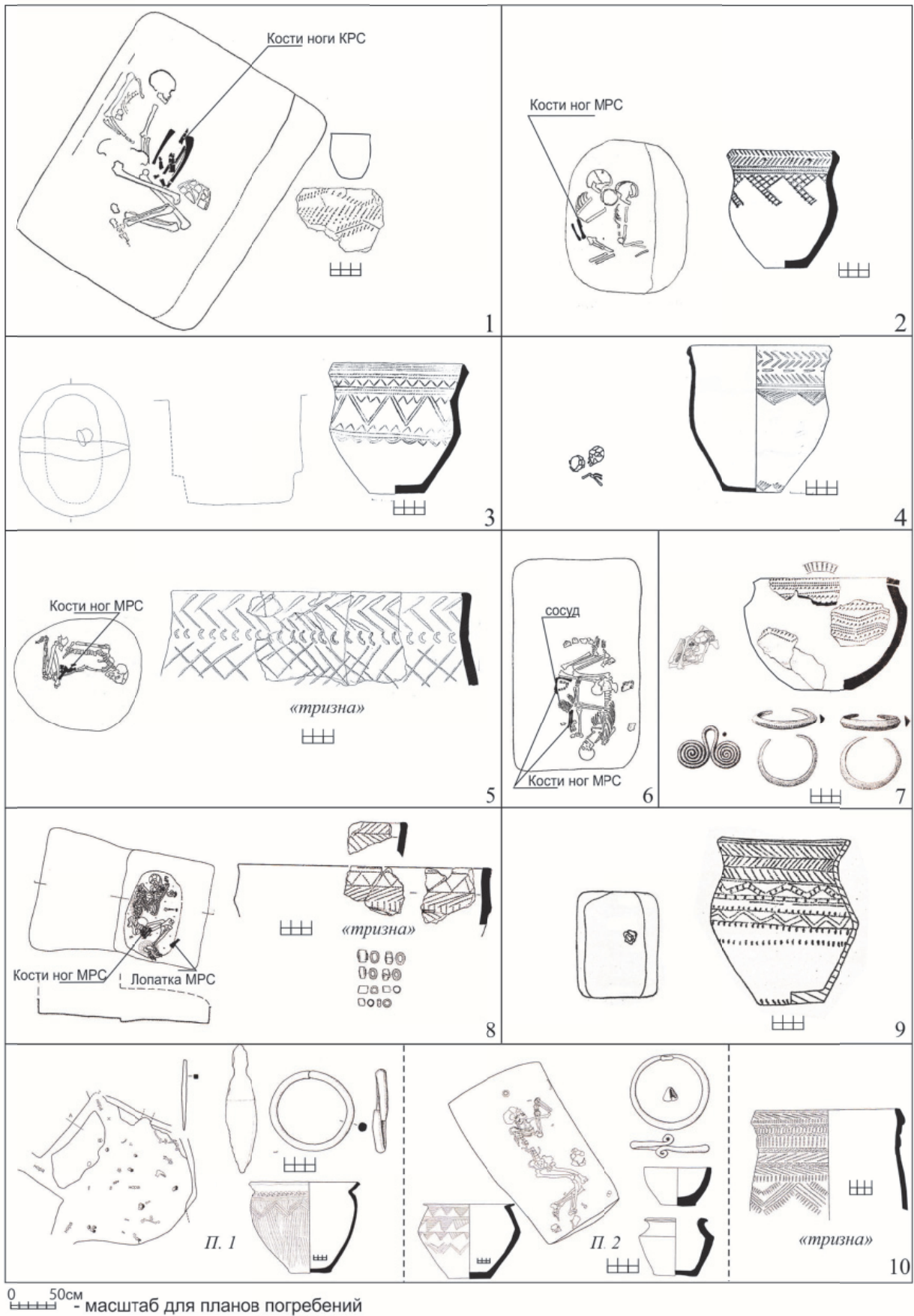

Рис. 2. Погребения с вольско-лбищенской керамикой.

- 1 – Калмыцкая Гора F, 6/7; 2 – Белогорское I, п.15; 3 – Белогорское I, п.28; 4 – Советское 1, 2/14;
 5 – Рунталь, 1/1; 6 – Бережновка I, 5/21; 7 – Тамар-Уткуль VII, 4/5; 8 – Светлое Озеро, 1/1;
 9 – Барановка I, 10/7; 10 – Владимировка II, 3/1, 2

ную деталь, зафиксированную в I-м Белогорском могильнике. Здесь могила погребения 28 (рис. 2, 3) имела форму ямы с заплечиками в нижней части, точная такая же конструкция была зафиксирована в соседнем погребении 14, которое является выразительным комплексом ВДБК, в котором скелет имел северную ориентацию. Ровно такая же конструкция могилы, как и в белогорском погребении 28 (рис. 2, 3), зафиксирована в кенотафе с вольско-лбищенской керамикой из к. 10 мог. Барановка I (рис. 2, 9). Важно отметить, что форма могилы с заплечиками в нижней части, на которой помещалось перекрытие, была характерной чертой именно посткатакомбного мира. Она известна в днепро-прутской, днепродонской, волго-донской бабинских культурах, в лолинской культуре и волго-уральской культурной группе. Все вышесказанное дает пусть и не прямые, но весомые аргументы в пользу отнесения кенотафов с вольско-лбищенской керамикой к ВДБК.

Комплекс Светлое Озеро, 1/1 демонстрирует принципиально иной погребальный обряд, который по основным структурным признакам отличается от выше охарактеризованных захоронений Волго-Донского Бабино (рис. 2, 8). Это могила подбойной конструкции с костяком в позе адорации. В погребении присутствует лопатка МРС – элемент, несвойственный ВДБК, но являющийся визитной карточкой лолинской культуры⁴². По всем обрядовым параметрам погребение из Светлого Озера относится к волго-уральской культурной группе (ВУКГ), которая в свою очередь является северо-восточным дериватом лолинской культуры⁴³. В материалах ВУКГ выделяются две ОГ. Наше погребение относится ко второй обрядовой группе, в которую объединены адоративные захоронения в могилах с подбойной конструкцией⁴⁴.

Таким образом, посуда с вольско-лбищенскими чертами обнаружена в погребениях ВДБК и ВУКГ, а это не просто разнокультурные образования. В рамках посткатакомбного блока они относятся к разным культурным общностям с различными механизмами культурогенеза. Волго-донская бабинская культура входит в культурный круг Бабино, а волго-уральская культурная группа – в культурный круг Лола⁴⁵.

Типологически близкая ситуация возникает и с обнаружением вольско-лбищенского сосуда в «тризне», связанной с раннепокровскими захоронениями в кургане 3 мог. Владимировка II (рис. 2, 10). Получается, что керамика Вольско-Лбище встречена не только в комплексах блока посткатакомбных культурных образований финала средней бронзы, но и в материалах колесничных культур начала позднего бронзового века, а это уже не только разные культуры, но и разные эпохи. Они хронологически стыкуются. Заключительная фаза посткатакомбного блока

синхронна колесничному горизонту⁴⁶, поэтому хронологические позиции вольско-лбищенской посуды из посткатакомбных комплексов и раннепокровского кургана в любом случае близки, хотя и не синхронны.

Все выше прокомментированные материалы рассматривались исследователями в той или иной мере как синкретические. Задача этой работы заключалась в том, чтобы определиться с конкретным культурным контекстом этих захоронений. Иначе дело обстоит с пятью сидячими погребениями кургана 4 мог. Тамар-Уткуль VII, в одном из которых обнаружен вольско-лбищенский сосуд (рис. 2, 7). Вероятно, необычная поза погребенного привела к тому, что исследователи, в том числе и я, за редким исключением⁴⁷, в один голос заявили, что именно это и есть захоронения вольско-лбищенской культуры⁴⁸.

Детальная работа с материалами Волго-Уралья показала, что в регионе, кроме этих пяти захоронений, есть еще пять погребений, которые совершены в сидячей позе, и по ряду признаков их тоже следует датировать финалом средней бронзы: Быково I, 15/1, 16/2, Караман, 3/1, Мамбеталы, 3/1, Светлое Озеро, 7/1⁴⁹. Причем, в отличие от тамар-уткульских погребений, четыре из перечисленных погребений были основными в курганах и одно сопровождалось досыпкой.

Об указанном возрасте этой небольшой группы свидетельствуют следующие факты. В погребении 1 кургана 15 Быково I обнаружен обломок оселка с перетяжкой⁵⁰. Э.С. Шарафудинова небезосновательно полагает, что это фрагмент оселка с двумя перетяжками⁵¹. Такие изделия хорошо известны в материалах днепродонской и волго-донской бабинских культур, где они являются хронологическими маркерами их раннего этапа⁵². Кроме того, курган 15 был насыпан над двумя синхронными погребениями 1 и 2. Последнее относится к ВУКГ. Оно тоже обладает выраженными посткатакомбными признаками – это деформированный череп, который отсылает к раннелолинской культуре, где есть серия таких комплексов, и бронзовый нож с узким листовидным клинком⁵³. Именно ножи такой морфологии серийно представлены в лолинской культуре⁵⁴. Отличие заключается только в наличии у быковского экземпляра валиковых утолщений на черенке и в центре лезвия, являющихся характерными деталями некоторых ножей покровской серии. Напомню, что волго-уральская культурная группа связана своим происхождением с ранней Лолой и, по сути, является ее северным дериватом⁵⁵. В комплексе Мамбеталы, 3/1 сопровождающий инвентарь был представлен костяными пряслицем и тупиком⁵⁶. Именно раннелолинская культура сгенерировала традицию помещения подобных изделий в захоронения⁵⁷, откуда она распространяется в волго-уральскую культурную

группу⁵⁸. Наконец, в двух комплексах (Быково I, 16/12 и Караман, 3/1) умерших сопровождали кости ног МРС⁵⁹, которые, как уже неоднократно отмечалось, являются визитной карточкой ВДБК. Примечательно, что погребение 12 кургана 16 мог. Быково I было совершено в могиле катакомбной конструкции. Захоронения в подбоях и катакомбах, как уже отмечалось, хорошо представлены в ВУКГ⁶⁰, где они составляют II-ю обрядовую группу. Известны они и в материалах ВДБК (IV ОГ)⁶¹. Примечательно, что из пяти характеризуемых комплексов в трех обнаружены следы горения, которые являются одним из культурных маркеров волго-уральской культурной группы⁶². Угольки зафиксированы и в погребении 4 кургана 4 мог. Тамар-Уткуль VII⁶³.

Вернемся к тамар-уткульским сидячим погребениям, в одном из которых обнаружен вольско-лбищенский сосуд и украшения постшнурового мира (рис.2, 7). Именно эти вещи являются хронологическими маркерами финала СБВ. В четырех остальных погребениях нет ни вольско-лбищенской посуды, ни вещей постшнурового облика. Наоборот, в погребении 3 присутствуют вещи кавказско-предкавказского происхождения – это сегментовидные фаянсовые бусы и кольцевидно-узкопланочная костяная пряжка⁶⁴. Без сомнения, мы здесь опять сталкиваемся с компонентами лолинской культуры и ее деривата ВУКГ.

Итак, десять сидячих захоронений финала средней бронзы в Волго-Уралье демонстрируют, с одной стороны, черты ВДБК (кости ног МРС, оселок), с другой, в большей степени, признаки ВУКГ и Лолы (тупик, пряслице, костяная пряжка, фаянсовые сегментовидные бусы, следы горения в могилах). Из десяти комплексов только в одном встречен вольско-лбищенский сосуд. Ситуация здесь принципиально сходная с уже охарактеризованной. Вольско-лбищенская посуда оказывается в инокультурном контексте. Правда, пока сложно сказать, что представляет собой культурная специфика сидячих погребений СБВ. Целый ряд черт сближает их с посткатакомбным миром. Вероятно, здесь мы имеем дело с какой-то экстраординарной обрядностью Волго-Уралья, которая практиковалась и ВДБК, и ВУКГ для маргинальных представителей социумов. Подтверждает это и отсутствие посуды в комплексах. Она крайне редко встречается в посткатакомбных культурных образованиях Доно-Волжского междуречья и Волго-Уралья и нередко обладает чертами инокультурности⁶⁵. Комплекс Тамар-Уткуль VII, 4/5 – очередное тому подтверждение.

Таким образом, ответ на вопрос, который вынесен в заглавие статьи, на мой взгляд, очевиден. Вольско-лбищенская керамика в известных на данный момент захоронениях, подавляющее большинство из которых представлено

подкурганскими комплексами, не может выступать в качестве маркеров погребений вольско-лбищенской культуры. Эта посуда, которая нередко имеет синкретические черты, – не более чем свидетельство контактов посткатакомбных культурных образований с соседними группами Вольск-Лбище. Неудивительно поэтому, что все комплексы с этой керамикой тяготеют к северной части посткатакомбного ареала (рис.1), где и располагалась соответствующая контактная зона. Следует также обратить внимание, что в трех курганах вольско-лбищенская посуда была помещена в «тризны», т.е. она явно была отделена от умершего. Еще в двух случаях горшки обнаружены в пустых могилах-кенотафах (рис.2, 3, 9). Получается, что из 10 охарактеризованных комплексов в половине случаев керамика с вольско-лбищенскими чертами не приурочена к останкам умерших людей. Косвенно такая закономерность может в какой-то мере свидетельствовать о том, что строители могильных комплексов вполне осознавали инокультурность такой посуды.

Обнаружение горшков с вольско-лбищенскими чертами в погребениях волго-донской бабинской культуры, волго-уральской культурной группы и в редкой группе сидячих захоронений, явно связанной с посткатакомбным миром, актуализирует еще один принципиальный вопрос. Речь идет о верхней дате вольско-лбищенской культуры⁶⁶. Надежно установленная хронология блока посткатакомбных культурных образований, подтвержденная представительной серией радиоуглеродных дат⁶⁷, позволяет уверенно утверждать, что Вольск-Лбище ему синхронен и доживает до конца III тыс. до н.э. Датировка вольско-лбищенских древностей только ранним и развитым периодами средней бронзы, а также разведение их во времени с посткатакомбными культурами⁶⁸ являются неверными и противоречат известной на сегодняшний день сумме фактов.

В Нижнем Поволжье и Волго-Уралье посткатакомбные памятники ВДБК и ВУКГ не имеют третьей фазы развития, синхронной колесничным культурам, как это прослежено для днепро-донской, днепро-прутской бабинских и лолинской культур. Это связано с тем, что посткатакомбные древности на этих территориях оказались в ядре формирования колесничных культурных образований⁶⁹, поэтому с уверенностью можно утверждать, что присутствие посуды с вольско-лбищенскими чертами в погребальных комплексах имело определенную хронологическую протяженность. Попадание ее в посткатакомбные комплексы, как уже было отмечено, определяет верхнюю границу существования Вольска-Лбище в рамках финала среднего бронзового века, т.е. концом III-го тыс. до н.э.⁷⁰ Присутствие же вольско-лбищенского сосуда в раннепокровском кургане Владимировка II, ве-

роятно может свидетельствовать, что верхнюю границу вольско-лбищенской культуры следует омолодить и датировать ее рубежом III-II тыс. до н.э. или даже самым началом II тыс. до н.э. Об этом может свидетельствовать и наличие вольско-лбищенских реминисценций в покровской керамике⁷¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Васильев И.Б.* Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Урале // *Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. Чебоксары, 2003.* С.107-115.
- ² *Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г.* Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения // *Археология восточно-европейской степи. Вып.7. Саратов, 2009.* С.19.
- ³ Там же... С.30; *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф.* Памятники вольско-лбищенского типа // *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.* С.65-84.
- ⁴ *Васильев И.Б.* Памятники бронзового века в окрестностях г.Куйбышева // *Краеведческие записки. Самарская Лука в древности. Вып.III. Куйбышев, 1975.* С.49-75; *Малов Н.М.* О «загадочной» керамике вольского типа // *Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.* С.82-83.
- ⁵ *Васильев И.Б.* Вольск-Лбище... С.108.
- ⁶ Там же. С.108.
- ⁷ *Васильев И.Б., Матвеева Г.И., Тихонов Б.Г.* Поселение Лбище на Самарской Луке // *Археологические исследования в Среднем Заволжье. Межвузовский сборник статей. Куйбышев, 1987.* С.45.
- ⁸ *Богданов С.В.* Большой Дедуровский Мар // *Археологические памятники Оренбуржья. Вып.II. Оренбург, 1998.* С.22; *Ставицкий В.В.* Екатерининское поселение бронзового века на р.Сура и проблема происхождения вольско-лбищенских древностей // *Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург, 2004.* С.20; *Мимоход Р.А.* О верхней дате вольско-лбищенской культурной группы // *Археологические памятники Восточной Европы. Вып.13. Воронеж, 2009.* С.276; *Дрёмов И.И.* Конец средней – начало поздней бронзы в степном Поволжье. Saarbrücken, 2012. С.155; *Лопатин В.А.* Векторы культурогенеза (к проблеме становления срубной культуры на севере Нижнего Поволжья в середине II тыс. до н.э.) // *Известия Саратовского университета. Т.10. Вып. 2. Саратов. С.43; Он же.* Вольско-лбищенский вектор культурогенеза // *Археологическое наследие Саратовского края. Вып.10. Саратов, 2012.* С.56-78; *Он же.* Начало эпохи поздней бронзы на севере Нижнего Поволжья. Саратов, 2014. С.22.
- ⁹ *Сергацков И.В.* Погребения эпохи бронзы I Барановского могильника (раскопки 1987-1988 гг.) // *Древности волго-донских степей. Вып.2. Волгоград, 1992.* С.97-99. Рис.1, 4, 5.
- ¹⁰ *Дрёмов И.И.* Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // *Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.* С.99-109. Рис.2, 4, Д, 3; *Он же.* Отчет о раскопках могильников у сел Березовка, Новопривольное и Белогорское в Саратовской области в 1988 году // *Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Р-1, №13782.*
- ¹¹ *Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов // *Материалы охранных археологических исследований. Т.10. М., 2009.* С.32.
- ¹² *Дрёмов И.И.* Конец средней – начало поздней бронзы... С.58.
- ¹³ Там же. С.141; *Он же.* О планиграфии и стратиграфии погребений конца средней – начала поздней бронзы степного Поволжья // *Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997.* С.62.
- ¹⁴ *Он же.* Грунтовые могильники... С.99-109. Рис.6, Г, 2.
- ¹⁵ *Лопатин В.А.* Начало эпохи поздней бронзы... С.28; *Он же.* Вольско-лбищенский вектор... С.62.
- ¹⁶ *Дрёмов И.И.* Грунтовые могильники... Рис.4, Г.
- ¹⁷ *Лопатин В.А.* Начало эпохи поздней бронзы... С.28; *Он же.* Вольско-лбищенский вектор... С.62.
- ¹⁸ *Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953) // *Материалы и исследования по археологии СССР. №60. Т.1. М., 1959.* С.64-72. Рис.12, 1.
- ¹⁹ Там же. С.72.
- ²⁰ *Скарбовенко В.А.* Погребальный комплекс начала эпохи поздней бронзы Владимировка II // *Вопросы археологии Поволжья. Вып.4. Самара, 2006.* С.286-293.
- ²¹ *Лопатин В.А.* Начало эпохи поздней бронзы... С.25; *Он же.* Вольско-лбищенский вектор... С.60.
- ²² *Он же.* Начало эпохи поздней бронзы... Рис.3, 12; *Он же.* Вольско-лбищенский вектор... Рис.3, 12.
- ²³ *Он же.* Начало эпохи поздней бронзы... С.24; *Он же.* Вольско-лбищенский вектор... С.59.
- ²⁴ *Он же.* Начало эпохи поздней бронзы... С.24; *Он же.* Вольско-лбищенский вектор... С.59; *Он же.* Векторы культурогенеза... С.43.
- ²⁵ *Rau P.* Neue Funde aus Hockergräbern des Wolgadeutschen Gebiets // *Eurasia Septentrionalis Antiqua. Т.4. Helsinki, 1929.* S.43-49. Abb.2.
- ²⁶ *Жемков А.И., Лопатин В.А.* Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // *Археология восточно-европейской степи. Вып.5. Саратов, 2007.* С.101-102. Рис.4, 2-4.
- ²⁷ *Он же.* Курганный могильник у с.Светлое Озеро // *Археология восточно-европейской степи. Вып.6. Саратов, 2008.* С.157-158. Рис.1, 1-6.
- ²⁸ *Баринов Д.Г.* Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // *Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.* С.84-97. Рис.3, Б, 4.
- ²⁹ *Лопатин В.А.* Начало эпохи поздней бронзы... С.27; *Он же.* Вольско-лбищенский вектор... С.61.
- ³⁰ *Баринов Д.Г.* Новые погребения... С.86, ⁸⁷. Рис.3, Б, В.
- ³¹ *Лопатин В.А.* Начало эпохи поздней бронзы... С.27, 28; *Он же.* Вольско-лбищенский вектор... С.61.
- ³² *Богданов С.В.* Большой Дедуровский Мар // *Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998.* С.22. Рис.10, 11, 1-3.
- ³³ *Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994. С.14, 17. Рис.6.
- ³⁴ *Богданов С.В.* Большой Дедуровский Мар... С.22.
- ³⁵ Там же. С.16. Рис.6, 1-8.

- ³⁶ Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Волгоград, 2004. С.109. Рис.1; Он же. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: содержание и дефиниции // Археология восточно-европейской степи. Вып.10. Саратов, 2013. С.168. Рис.2, 3, 1-12; Он же. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // КСИА. Вып.232. М., 2014. С.103. Рис.2, 1-9.
- ³⁷ Шарафутдинова Э.С. К вопросу о погребальных памятниках конца эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23-28 апреля 2001 г. Самара, 2001. С.149; Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы... С.109; Он же. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: содержание... С.169; Он же. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы... С.103.
- ³⁸ Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы... С.168. Рис.3, 13-15; Он же. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы... С.103. Рис.3, 1-3.
- ³⁹ Синицын И.В. Археологические исследования... С.72.
- ⁴⁰ Мимоход Р.А. Хронология криволукской культурной группы // XVIII Уральское археологическое совещание. Уфа, 2010. С.158-160.
- ⁴¹ Он же. О верхней дате... С.276-278.
- ⁴² Он же. Кости животных в лолинских погребениях как культурно-хронологический индикатор // Матеріали та дослідження з археології Східної України. №7. Луганськ, 2007. С.118-127; Он же. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. Т.16. М., 2013. С.40-44.
- ⁴³ Он же. Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецький археологічний збірник. №13/14. Донецьк, 2010. С.67-82; Он же. Лолинская культура... С.234-236, 323-332.
- ⁴⁴ Он же. Посткатакомбные памятники // Археология Волго-Уральского региона. Казань. В печати.
- ⁴⁵ Он же. Блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе: структура и содержание // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Грозный, 2016. С.45-47; Он же. Посткатакомбный мир: концепция, структура, содержание // <http://konf.asu.ru/archeo/?page=collection&char=M>; Он же. Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э. // Российская археология. №2. М., 2018. С.50-65.
- ⁴⁶ Литвиненко Р.А. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. Самара, 2001. Табл.1; Мимоход Р.А. Лолинская культура... С.277-280, 335. Илл.114.
- ⁴⁷ Лопатин В.А. Начало эпохи поздней бронзы... С.36; Он же. Вольско-лбищенский вектор... С.67, 68; Кузьмина О.В. Абашевская культура в системе культур бронзового века Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. Самара, 2001. С.158.
- ⁴⁸ Богданов С.В. Большой Дедуровский Мар... С.22; Васильев И.Б. Вольск-Лбище... С.108; Ткачев В.В. Значительный этап эпохи средней бронзы в степном Приуралье. Челябинск, 2006. С.7-9; Он же. Степное Приуралье на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Челябинск, 2006. С.71; Он же. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007. С.207-212; Мимоход Р.А. О верхней дате... С.276; Он же. Курганы эпохи бронзы... С.33; Он же. Лолинская культура... С.265, 266; Соловьев Б.С. О «чирковских» памятниках Прикамья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 8. Пермь. С.125.
- ⁴⁹ Смирнов К.Ф. «Быковские курганы» // Материалы и исследования по археологии СССР. Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т.II. №78. М., 1960. С.211, 217. Рис.15, 1, 16; Жемков А.И., Лопатин В.А. Курганы Малого Карамана... С.101. Рис.3, 9; Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // Свод археологических источников. Вып. В 1-10. С.58, 508. Табл.26, 33, 34; Т.1. Саратов, 1993. Жемков А.И., Лопатин В.А. Курганный могильник... С.165. Рис.7, 2.
- ⁵⁰ Смирнов К.Ф. «Быковские курганы»... Рис.15, 11.
- ⁵¹ Шарафутдинова Э.С. К вопросу о погребальных памятниках... С.152.
- ⁵² Литвиненко Р.А. Об инвентарном комплексе древнейших погребений культуры многоваликовой керамики (КМК) // Доба бронзи Доно-Донецького регіону (Матеріали 3-го Українсько-Російського польового археологічного семінару). К.-Вороніж-Перевальськ, 1997. С.31; Мимоход Р.А. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: содержание... С.171, 172. Рис.4, 35; Он же. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы... С.113, 115. Рис.5, 19.
- ⁵³ Смирнов К.Ф. «Быковские курганы»... Рис.15, 12.
- ⁵⁴ Мимоход Р.А. Лолинская культура... С.77. Илл.50, 4-6, 8-12.
- ⁵⁵ Там же. С.324-327; Он же. Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье... С.71-73.
- ⁵⁶ Памятники срубной культуры... Табл.26, 33, 34.
- ⁵⁷ Мимоход Р.А. Лолинская культура... С.92-97.
- ⁵⁸ Он же. Погребения финала средней бронзы... С.113, рис.2, 1.
- ⁵⁹ Смирнов К.Ф. «Быковские курганы»... С.217. Рис.16; Жемков А.И., Лопатин В.А. Курганы Малого Карамана... С.101. Рис.3, 9.
- ⁶⁰ Мимоход Р.А. Посткатакомбные памятники...
- ⁶¹ Он же. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: содержание... С.168. Рис.3, 16-20; Он же. Пост-

- катакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы... С.103. Рис.3, 4-8.
- ⁶² Мимоход Р.А. Посткатакомбные памятники...
- ⁶³ Богданов С.В. Большой Дедуровский Мар... С.22.
- ⁶⁴ Богданов С.В. Большой Дедуровский Мар... С.22. Рис.11, 8, 10.
- ⁶⁵ Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы... С.32-34; Он же. Лолинская культура... С.266, 268; Он же. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: содержание... С.169, 170; Он же. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы... С.110, 112.
- ⁶⁶ Он же. О верхней дате... С.276-278.
- ⁶⁷ Мимоход Р.А. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. Вып.225. М., 2011. С.28-53.
- ⁶⁸ Богданов С.В. Большой Дедуровский Мар... С.22; Васильев И.В. Вольск-Лбище... С.111; Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г. Материалы вольского культурного типа... С.29, 30; Малов Н.М. Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Нижневолжской археологической конференции. Астрахань, 2010. С.83.
- ⁶⁹ Мимоход Р.А. Хронология криволукской культурной группы... С.158, 159; Он же. Посткатакомбный период: содержание... С.172; Он же. Лолинская культура... С.335, 336. Илл.114; Он же. Стратифицированные курганы бронзового века на правом берегу Северского Донца // Материалы спасательных археологических исследований. Т.23. М., 2018. С.118.
- ⁷⁰ Он же. О верхней дате... С.278.
- ⁷¹ Лопатин В.А. Начало эпохи поздней бронзы... С.21; Он же. Вольско-лбищенский вектор... С.57.

VOLSK-LBISHCHE CERAMICS IN THE BURIAL COMPLEXES: CULTURAL MARKERS OR MARKERS INSIDE CULTURES?

© 2018 R.A. Mimokhod

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article is devoted to the burial complexes where ceramics were found with some features of Volsk-Lbishche culture. Analysis of the burial complexes reveals that such ceramics could not serve as marker that burial complexes belong to Volsk-Lbishche culture. Such ceramics had been found in the complexes of Volga-Don Babinskaya culture, Volga-Ural cultural group, the early Pokrovskaya culture, and in the group of the mysterious sitting burials in Volga-Ural region which were related to post-Catacomb culture. These ceramics could be interpreted as a testimony of contacts between post-Catacomb cultures and the neighboring groups of Volsk-Lbishche culture. The reveal of Volsk-Lbishche ceramics in the closed complexes of post-Catacomb burials provides us with the basis to define the upper chronological limit of Volsk-Lbishche culture as the turn of the III-II millennium BC.

Keywords: the burial complexes, ceramics, Volsk-Lbishche culture, post-Catacomb burials.